

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.511.21, 811.1161.1

Н. В. Полякова

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «НИЖНЕМ МИРЕ» В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Рассматриваются концепции Вселенной в картине мира селькупского и русского этносов, исследуются горизонтальная и вертикальная проекции мироздания. Проводится анализ лингвистического, этнографического и культурологического материала для исследования объективации образов «Нижнего мира» в селькупском и русском языках. Исследуются вопросы локализации «Нижнего мира», подчеркивается противоречивость представлений о нем, раскрывается связь «Нижнего мира» с миром мертвых, выявляется общее и отличительное в представлении о «Нижнем мире» в селькупской и русской культурах.

Ключевые слова: селькупский язык, русский язык, картина мира, структура мироздания, «Нижний мир».

Лингвистические, этнографические и культурологические данные фиксируют универсальные представления разных этносов о трехчастной структуре пространства: деление его на «Верхний», «Средний» и «Нижний» мир [1, 2, 3]. Согласно представлениям ненцев, в «Верхнем мире» обитают различные божества, включая Нума, являющегося верховным божеством [2]. Нганасаны рассматривают «Верхний мир» как мир высших сил, превосходящих человека [1]. «Средний мир» объективируется как мир человека и животных. «Нижний мир» в разных культурах ассоциируется со злыми духами, миром мертвых.

Согласно древнейшим космогоническим мифам, мир живых как организованное пространство возникает из мира мертвых, не имеющего формы. Мир мертвых противопоставляется организованному пространству. Хаос, в отличие от мира живых, обладает энергией, необходимой для творения мира. Мир, обретая форму, утрачивает энергию, восполнить которую можно только в остатках хаоса – мире мертвых. Мир мертвых, с одной стороны, представляет большую опасность для мира живых, с другой стороны, содержит энергию для его развития [4].

При изучении строения мироздания, представленного в лингвистическом и этнографическом материале селькупов, нашедшего объективацию в материальной культуре, было установлено, что концепция Вселенной включает как вертикальное, так и горизонтальное строение мира.

Горизонтальная проекция мира в представлениях селькупов выражена достаточно репрезентативно – данные о ней закреплены и в языке, и в фольклоре, и в бытовых верованиях. Ср.: *Al'digat ežalgumba*: „*Na'at taqqin ēla Pōneguse, a Pōneguse čardemd taqqilbat, tannan azel ēza i awel ēza, i heññalal, řemñalal weś ēzadit i tap'el ējadit,*

Pōnegusenann ūdile ēlladit“ ‘Бабушка (его) отвечает: «Там внизу (по течению) живет Пёнэгессэ, а Пёнэгессэ твою семью забрал, у тебя отец был, мать была и братья, и сестры были и теперь есть, у Пёнэгессэ живут и работают»’ [5, с. 25]. Горизонтальное строение мира представлено в текстах, в которых действие связано с течением реки, и движение событий происходит по течению реки.

Вертикальная проекция мира характерна как для северных, так и для южных селькупов. Ср.: (сев.) *Wərgy nāl'amy kuraltyty nomty innā qnqontōqo nūn ijanyk* ‘Старшей дочери велел на небо вверх пойти к божьему сыну’ [6, с. 8]. *Nyny tu... mot šērny na lōsy, imap koptōqyn orqylnyty, ponā tattynnyty, na imap ny qaqlonty omyltympaty, nyny qənpa wətykolyk – wəššəja* ‘Потом вот что ... в чум вошел этот черт, женщину с места схватил, на улицу вынес, эту женщину туда в нарту посадил, потом уехал без дороги – взлетел’ [6, с. 10]. В данных примерах герои отправляются на небо (вверх). Ср.: (юж.) *Al'diga ežalgumba*: „*Īde, qōšqlend nuššūññenž, mādirlend nomnan, čtobj pōdnā* ‘Бабушка говорит: «Сходи на небо, попроси у бога, чтобы тепло было»’ [5, с. 32]. (Нельм.) *Wot na tuskam ara kojālžəd kurgom* ‘Вот этот туесок старик обошел кругом’. *Ara elle kowna šadk tobət kotte maška* ‘Старик вниз туда провалился, две ноги в сторону (наружу) торчат’. Таким образом, вертикальная проекция мира «высвечивается» в текстах, герои которых поднимаются на небо или проваливаются под землю.

По мнению В. И. Сподиной, вертикальный и горизонтальный планы пространства существуют в органическом единстве, однако большая разработанность горизонтального деления Вселенной дает ей основание рассматривать его в качестве более раннего [7].

Анализ лингвистического, этнографического и культурологического материала показал, что для

славян в целом, и для русских в частности, характерна лишь вертикальная проекция мироздания. Сведения о существовании наряду с вертикальной проекцией и горизонтальной проекции отсутствуют.

«Нижний мир» расположен ниже человека, под его ногами. В отличие от «Верхнего мира», в повседневной жизни он недоступен зрительному восприятию, лишь в особых ситуациях человек может увидеть то, что располагается под землей. Недоступность непосредственному зрительному восприятию и ассоциирование «Нижнего мира» с миром мертвых приводят к возникновению различных представлений о нем. А. Б. Страхов указывает на противоречивость и многообразие образов «Нижнего мира». Для его описания используются взаимоисключающие характеристики: темнота или постоянный свет, плодородие или бесплодная пустыня. «Нижнему миру» присуще отсутствие времен года: там либо всегда холодно, либо тепло. Он связан с водой и сыростью. «Нижний мир» может быть описан как мир небытия, невещей, несобытий [8, с. 92–93].

Противоречивость образов «Нижнего мира» отражается также и в представлениях о его локализации. Анализ фольклорных произведений показывает, что «Нижний мир» может располагаться под водой, под землей, на севере и т. д. Основным признаком его местонахождения является удаленность. Однако человек постоянно ощущал его «физическую» близость.

Непохожесть мира человека и «Нижнего мира» маркируется в русском языке употреблением прилагательных *иной* в значении «другой, отличающийся от этого» и *потусторонний* (в религиозно-мистических представлениях: «существующий за пределами земной жизни»).

В русской культуре «Нижний мир» ассоциируется с адом. Ср. словарные дефиниции лексемы «ад»:

«1) во многих религиях: место, где души умерших „грешников“ подвергаются вечным мукам;

перен. обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо;

о нравственных страданиях, душевных муках, испытываемых кем-либо» [9, с. 25].

Словарные дефиниции свидетельствуют о том, что ад воспринимается как часть того света, где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи.

У всех славян, прежде всего южных и восточных, книжные (церковные) представления об аде либо смешиваются с народными, либо сосуществуют с ними, находясь нередко в противоречивом отношении как в отдельных локальных традициях, так и в индивидуальных воззрениях. Православная

книжная и народная традиции противопоставляют ад раю. Наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым ад и рай территориально не расчленены, так что обитатели того света мучаются или блаженствуют по соседству [10, с. 93].

Противопоставлениерая и ада появилось под воздействием христианства. Древние славяне верили в единый загробный мир, не подразделяя его на рай и ад.

В русской народной духовной поэзии ад и рай разделяет огненная река. Сам ад мыслится как место вечно пылающего огня и в то же время вечного мрака. Синоним ада – преисподняя отражает верования о нахождении ада под землей, совпадающие или восходящие к древнееврейским ветхозаветным представлениям ада как «рва преисподнего», «царства мрака» (Псалтырь), «страны тьмы и сени смертной», где сам свет подобен темной ночи (книга Иова) [10, с. 94].

В русском языке отражается связь «Нижнего мира» с царством мертвых, а также с адом. Ад, в свою очередь, вызывает ассоциации с вечными муками, расплатой за былые грехи.

Анализ лингвистического материала показал, что переход из одного мира в другой должен сопровождаться определенными ритуалами во избежание опасности для человека, ср.: *отпевать покойника, обмывать покойника*. Интересным представляется тот факт, что сон рассматривается как пограничное состояние, ср.: *усопший, заснувший вечным сном*.

Представления о мире мертвых в русской культуре претерпевали значительные трансформации. Под воздействием христианской идеологии «Нижний мир» ассоциируется с адом – местом, где души грешников испытывают вечные муки. Души праведников попадают в рай, локализуемый согласно народным представлениям в «Верхнем мире», ср.: *царство небесное*.

«Нижний мир» населен сверхъестественными существами, олицетворяющими злое начало, – чертями, бесами. «Нижний мир» – это «вотчина» дьявола. Эти сверхъестественные существа имеют облик человека, но отличаются от него наличием рогов, копыт и хвоста.

В фольклорных произведениях отражено амбивалентное отношение к миру мертвых. Мир мертвых описывается не только как мрачная обитель, но и как источник невероятных сокровищ, а также средств, позволяющих человеку победить смерть, ср.: мотивы тридевятого царства. На страницах фольклорных произведений присутствуют лиминальные персонажи, совмещающие в себе черты мертвых и живых. Совмещение свойств живых и мертвых дает данным персонажам преимущества.

Согласно древним селькупским и хантыйским представлениям, «Нижний мир» – это один из вариантов всем известных земных условий, где живут ранее умершие родственники, где ходят на охоту, ловят рыбу и т. д. По другим воззрениям, в «Нижнем мире» условия хуже, чем на земле: там меньше света, сыро, тесно, леса и реки беднее, из рыб там только карась, который зарывается в ил; человек, попавший туда, беспомощен, потому что там все наоборот (где здесь правая сторона, там – левая, когда здесь день, там – ночь [11, с. 125]. Ср.: (таз.) *Pillyl' peläl' mōtyt peläqqyn nil'cyl' lösy ippynny – mōtyt cumpyl'*. 'В западной стороне чума такой черт лежит – длиной в чум'. *Pillyl' peläk qumyn wecyl' pōry, a cēlyt etyl peläk ötän wecyl' pōry*. 'На западной стороне лабаз с человеческим мясом, а на восточной – лабаз с оленьим мясом'. *Kulšöl' qur qenytmä, cēlyn etyl' peläk ötän wecyl' apsyl' pōry, pilyl' peläk qumyn wecyl' apsyl' pōry*. 'Когда простой человек пойдет, на восточной стороне продуктовый лабаз с оленьим мясом, на западной стороне продуктовый лабаз с человеческим мясом' [6, с. 10].

В селькупском фольклоре отражается связь «Нижнего мира» со злыми духами, называемыми *lōla*. Ср.: (Вольджа) *Lōla ējat* 'Черти есть'. *Lōla qūlat ā pūnnat* 'Черти на людей не похожи'. *Lōlan okkjr haj qātqin* 'У чертей один глаз во лбу'. *Qūla čenčat: Ir qūla lōlap larimbat* 'Люди говорят: в старину люди чертей боялись'. *Lōla qur amgwat* 'Черти людей едят'. *Pet tōladjt i qur amgwat: parg pahe mažladjt i k'adip pōt parond ödladjt* 'Ночью придут и человека съедят: живот ножом разрежут и кишки на деревьях развесят'. *Na lō načat tōmba i kļondä patpa* 'Этот черт туда пришел и в яму (в могилу) залез'. *Na lōyo qur pūnnjt, tab amdelikahe ēja, a onže tarhe ēja* 'Этот черт на человека похож, он с рождками, а сам он в шерсти'.

Данные примеры раскрывают представления селькупов о сверхъестественных существах, обитателях «Нижнего мира» и представляющих вследствие этого большую опасность для человека. Несмотря на «внешнюю схожесть» с человеком, у данных существ имеется ряд признаков, позволяющих отличить их от людей: наличие одного глаза, рожек, шерсти. Активное действие злых духов в фольклорных произведениях селькупов совпадает с темным временем суток, что отражает представления селькупов о «Нижнем мире» как о месте, где всегда темно. Любой контакт со злыми духами представляет серьезную опасность для человека, поскольку может окончиться смертью. Минимизировать опасность позволяет ритуал. Ср.: *Mi pil pōr palli, a lōla larimbat pōr* 'Мы осиновые поленья положим, а черти бояться (этого) дерева'.

В мифологических представлениях селькупов «Нижний мир», «Средний мир» и «Верхний мир»

существуют неизоллированно друг от друга [12]. Идея взаимосвязи всех миров проходит красной нитью в фольклорных и бытовых рассказах селькупов. При этом подчеркивается опасность перемещений из одного мира в другой, совершать подобные путешествия могут шаманы, сверхъестественные существа. Фольклорные произведения фиксируют амбивалентное отношение представителей селькупского этноса к «Нижнему миру» и наличие персонажей, совмещающих в себе черты живых и мертвых.

Связь «Нижнего мира» со «Средним миром» гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Согласно представлениям селькупов, у человека существует несколько душ. Одна из них носит название *kaga* 'могильная душа' и имеет непосредственную связь с большим пальцем, локализуясь в нем. Название большого пальца *kagal' mun* буквально переводится на русский язык как 'могильный палец'. Человек, по какой-либо причине утративший большой палец, превращается в зверя. После смерти человека душа *kaga* уходит с ним в могилу. Данная душа выступает в роли проводника из одного мира – мира живых в другой мир – мир мертвых и выступает гарантом данного перехода. Таким образом, наличие души маркирует мир живых, а ее отсутствие описывает мир мертвых.

Авторы «Мифологии селькупов», описывая нижний (подземный) мир, приводят следующие его характеристики: «в подземном мире темно, в нем меняются характеристики времени (герой теряет ощущение времени); в этом мире можно перемещаться (герой путешествует на коне); выход из него – это путешествие к свету. По мнению селькупки Т. К. Кудряшовой, подземный мир состоит из двух слоев и покоится на некоей твердой основе, поддерживающей мироздание снизу [13, с. 288]. Негативизм восприятия «Нижнего мира» отчасти был обусловлен его связью с царством мертвых, а также со злыми духами, вредящими человеку и даже убивающими его. Ср. в этой связи мнение В. М. Кулемзина: «В Нижнем мире обитают только злые существа и живут вечно существа мертвые» [11, с. 187].

Отрицательное восприятие «Нижнего мира» можно проследить на примере двух селькупских провербов *illä* (в функции наречия это слово означает «вниз») и *innä* (в функции наречия это слово означает «вверх»). Проверб *illä* в сочетании с глаголами, обозначающими движение вниз, играет роль усилительной частицы, практически не меняя значение глагола: Фарк. *tep čaškap narkkomala illä estēst* 'он чашку, испугавшись, уронил' (ср.: Ив. *astigu* 'валять, ронять'). В сочетании с глаголами *qättižo* 'ударить, бить, колотить', *qonijžo* 'закры-

вать», Нап. *kaigu* 'закрыть' данный преверб придает им значение действия, направленного на устранение, физическую ликвидацию кого-либо или чего-либо, или усиливает значение самого глагола [14, с. 92]. Ср.: (таз.) *qättyqo* 'ударить' – *illä qättyqo* 'убить (ударом)'. *Ötäp kupaksä illä qättyty* 'Оленя кулаком убил' [15, с. 311].

Преверб *innä*, аналогично рассмотренному выше превербу *illä*, может выполнять роль усиленной частицы с глаголами, обозначающими движение вверх: Фарк. *ima kol'čit na si tendena pōnti innä sijklēsa* 'женщина увидела того соболя, который на дерево влез' (ср. *siqilqo* 'залезть, влезть, вылезть') [14, с. 93]. В сочетании с другими глаголами этот преверб способен образовывать сочетания со значением действия, направленного на создание или возникновение кого-либо или чего-либо: (таз.) *innä cōryqo* 'разгореться' (сбрыцо 'гореть'); *innä cōtyqo* 'разжечь' (сбтыцо 'зажечь').

Преверб *innä* подчеркивает созидующее, дарующее начало того, кто или что располагается сверху, преверб *illä* – уничтожающее, несущее смерть и разрушение того, с чем ассоциируется «низ». Этот вывод подтверждается также результатами ассоциативного эксперимента, проведенного автором во время экспедиций к селькупам Парабельского района. На стимул «сверху» представителями селькупского этноса были даны следующие реакции: «видно»; «помощь»; «видно все, ты так и знай». Данные ассоциаты свидетельствуют о позитивном восприятии селькупам верхнего пространства. На стимул «вниз» были зафиксированы реакции: «скатился»; «падать»; «упасть»; «провалиться»; «положить»; «съехать с горки»; «яма». Полученные ассоциаты свидетельствуют о негативном восприятии селькупам нижнего пространства.

При сопоставительном анализе средств объективации образов «Нижнего мира» были выявлены

общие и отличительные признаки в селькупском и русском языках. В языковом сознании представителей селькупского и русского этносов «Нижний мир» ассоциируется с миром мертвых и наделяется аномальными характеристиками (вечная темнота и т. п.). В нем обитают сверхъестественные существа, воплощающие злое начало, представляющие большую опасность для человека. Способы минимизации опасности взаимодействия с «Нижним миром» заключаются в совершении целого ряда обрядов, включая погребальный обряд, и соблюдении запретов.

Обитатели «Нижнего мира» имеют антропоморфные черты, однако обладают признаками, отличающими их от людей. Для селькупской и русской мифологии и фольклора характерна идея взаимопроницаемости миров.

Сосуществование горизонтальной и вертикальной проекций мироздания у селькупов объясняет локализацию «Нижнего мира» под землей, а также в низовье реки. Христианские представления русских о рае и аде отражают локализацию «Нижнего мира» как загробного мира под землей (ад) и на небе (рай). Наличие у человека души *kaga* обеспечивает связь «Нижнего» и «Среднего» миров. Для картины мира селькупского этноса характерно представление о «Нижнем мире» как мире мертвых и мире сверхъестественных существ, в то время как представители русского этноса ассоциируют «Нижний мир» также с местом расплаты за ранее совершенные грехи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чувлымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

Список литературы

1. Биче-оол В. К. Культура нганасан: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009. 25 с.
2. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 47 с.
3. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
4. Васильев Ю. Ю. Бинарная оппозиция «живое-мертвое» в русской традиционной культуре (на материале отечественного фольклора): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 28 с.
5. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, пер., коммент. В. В. Быко-ня, А. А. Ким и др. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1996. 187 с.
6. Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1993. Т. 2. 196 с.
7. Сподина В. И. Представления о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск: Арго, 2001. 124 с.

8. Страхов А. Б. О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 88–95.
9. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 702 с.
10. Морозов И. А., Толстой Н. И. Ад // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. 1995. Т. 1. А-Г. С. 93–94.
11. Мифология хантов / научн. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. 310 с.
12. Полякова Н. В. Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2013. Вып. 2 (2). С. 69–74.
13. Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. 382 с.
14. Быконя В. В., Беккер Э. Г. Глагольные префиксы в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск, 1980. Вып. 7. С. 86–99.
15. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Москва: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 02.03.2015.

N. V. Polyakova

OBJECTIFICATION OF UNDERSTANDING OF “LOWER WORLD” IN THE SELKUP LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN LANGUAGE

Conception of the Universe in the world of view of Selkup and Russian ethnic group is observed and considered. Horizontal and vertical worlds of view are studied and analyzed. Analysis of linguistic, ethnographic and culturological materials is performed for objectification study of visions of “Lower world” both in the Selkup and Russian languages. Issues and themes on localization of “Lower world” are observed and considered by emphasizing of inconsistency in its understanding and perception, connection of “Lower world” with the nether world was examined and cleared up, common and difference in the “Lower world” understanding in the Russian and Selkup culture is determined and revealed.

Key words: *the Selkup language, the Russian language, worldview, structure of the Universe, “Lower world”.*

References

1. Biche-ool V. K. *Kul'tura nganasan: istoriko-kul'turologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Nganasan culture: historical and culturological analysis. Abstract of thesis cand. of cult. sci.]. Chelyabinsk, 2009. 25 p. (in Russian).
2. Pushkareva E. T. *Kartina mira v fol'klоре i traditsionnykh predstavleniyakh nentsev: sistemno-fenomenologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... d. ist. nauk.* [Worldview in the folklore and traditional understanding of Nenets: system and phenomenological analysis. Abstract of thesis doct. of hist. sci.]. Moscow, 2003. 47 p. (in Russian).
3. Polyakova N. V. “Osobyе mesta” v kartine mira sel'kupskogo etnosa [“Sacred places” in the worldview of the Selkup]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
4. Vasil'ev Yu. Yu. *Binarnaya oppozitsiya “zhivoe-mertvoe” v russkoy traditsionnoy kul'ture (na materiale otechestvennogo fol'klora): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Binary opposition “alive-dead” in the traditional Russian culture (on the basis of the native folklore). Abstract of thesis cand. of philosoph. sci.]. Moscow, 2010. 28 p. (in Russian).
5. *Skazki narymskiy sel'kupov: kniga dlya chteniya na sel'kupskom yazyke s perevodami na russkiy yazyk / zapisi, per., komment. V. V. Bykonya, A. A. Kim i dr.* [Fairy tales of selkup natives of the Narymsk region: book for reading in the Selkup language with the Russian translation // records, translation, comments of V. V. Bykonya, A. A. Kim etc.]. Tomsk, NTL Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
6. Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Helimskij E. A. *Oчерки по sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MGU Publ., 1993, vol 2. 196 p. (in Russian).
7. Spodina V. I. *Predstavleniya o prostranstve v traditsionnom mirovozzrenii lesnykh nentsev Nizhnevartovskogo rayona* [Understanding of space in the traditional worldview of the forest Nenets of the Nizhnevartovsk district]. Novosibirsk, Argo Publ., 2001. 124 p. (in Russian).
8. Strahov A. B. O prostranstvennom aspekte slavyanskoй kontseptsii nebytiya [About space aspect of the Slavic conception of non-existence]. *Jetnolingvistika teksta: Semiotika malykh form fol'klora. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu* [Ethnolinguistics of text: Semiotics of minor genres of folklore. Thesis and preliminary symposium materials]. Moscow, 1988, pp. 88–95 (in Russian).
9. *Slovar' russkogo yazyka / pod red. A. P. Evgen'evoy* [Russian Language Dictionary / Issued by A. P. Evgenyeva]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 1. 702 p. (in Russian).

10. Morozov I. A., Tolstoy N. I. Ad [Hell]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomah* / pod red. N. I. Tolstogo [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary / edited by N. I. Tolstoy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 1. pp. 93–94 (in Russian).
11. Mifologiya hantov [Khanty mythology] / nauchn. red. V. V. Napol'skih. Tomsk: TGU Publ., 2000. 310 p. (in Russian).
12. Polyakova N. V. Kontseptualizatsiya atmosferyh osadkov v sel'kupskom yazyke v sopostavlenii s russkim [The conceptualization of the atmospheric precipitation on the Selkup language in comparison with the Russian language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2 (2), pp. 69–74. (in Russian).
13. *Mifologiya sel'kupov* [Selkup mythology] / scientific editor V. V. Napolskih. Tomsk, TGU Publ., 2004. 382 p. (in Russian).
14. Bykonya V. V., Bekker E. G. Glagol'nye prefiksy v sel'kupskom yazyke [Verbal prefixes in the Selkup language]. *Yazyki i toponimiya – Languages and toponyms*. Tomsk, 1980, no. 7, pp. 86–99. (in Russian).
15. Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MGU Publ., 1980, vol. 1. 408 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com